

На следующее утро, проснувшись, Гарри обнаружил, что Драко отсутствует. Его не видели ни портреты, ни привидения в замке; не было его и в Выручай-комнате, и даже у профессора Снейпа. Вернувшись к себе, Гарри нахмурился, восстанавливая в памяти события вчерашнего дня, вплоть до каждого слова, сказанного за рождественским ужином. Он вдруг осознал, что Драко стал сам не свой ещё вчера вечером, когда они вернулись в спальню. В тот момент, когда Гарри вышел из ванной, он заметил, что Драко вспыхнул яростью и болезненным самобичеванием, но это чувство тут же угасло, стоило тому заметить друга. А перед сном Гарри сквозь дрему чувствовал на себе его взгляд — слишком пристальный и жгучий, из-за чего долго не мог уснуть. Неужели он чем-то обидел Драко?

В это время Драко сидел в той самой Тайной комнате, где когда-то впервые увидел портреты Основателей, пытаясь совладать с чувствами и не сорваться на бессвязный лепет. Рано утром, пока Гарри ещё спал, он покинул спальню и постучал в дверь кабинета крестного, не побоявшись потоков ядовитого сарказма. Северус, чей сон был столь бесцеремонно прерван, уже собирался в пух и прах разнести визитера, но, увидев на пороге изможденного и разгневанного крестника с покрасневшими от недосыпа глазами, лишь молча впустил его. Пробудив Основателей, Драко прямо потребовал открыть личную комнату для разговора, всем своим видом показывая, что не сдвинется с места до получения ответов. Северус, поняв, что его аура не требуется, а при двух древних магах с парнем ничего не случится, скрылся в спальне — досыпать. Годрик и Салазар, глядя на взвинченного Драко, казалось, были готовы к подобному разговору и не выказали ни тени удивления.

— О чём ты хочешь поговорить, Драко? — спросил Годрик.

С трудом упорядочив хаос в голове, Драко решил решать проблемы одну за другой.

— Прежде всего, я хочу знать: откуда вы, будучи всего лишь портретами, знаете о нашем с Гарри перерождении? Если я правильно помню, когда Гарри впервые привел нас к вам, он на мгновение удивился вашей осведомленности. Значит, он не рассказывал вам об этом заранее.

— Я-то думал, вы с Северусом сами придете с расспросами, — Годрик едва заметно усмехнулся, глядя на Драко, который едва сдерживал маску невозмутимости. — Прошло несколько лет, а вы молчали. Я решил, что Гарри всё объяснил, но Салазар настаивал, что он ни слова вам не скажет. На самом деле Гарри спросил нас об этом в тот же день, когда вы впервые встретились. Мы — портреты, но не обычные. Как тебе известно, портрет — это лишь отпечаток памяти, лишенный души, если только он не превращен в крестраж. Мы не должны были знать Гарри, ведь при жизни мы никогда с ним не встречались. Но после того, как мы стали картинами, произошел некий... инцидент.

Драко внимательно слушал, не перебивая.

— Объяснять долго, но если вкратце: в Запретном лесу спит Золотой Великий Дракон, истинный хозяин этого замка. Ты ведь знаешь, что это могущественнейшие существа из легенд? Мы четверо заключили с ним договор: он отдал нам замок для основания школы, а мы назвали её в его честь и поклялись никогда не входить в чашу, где он поживает. Поэтому «Не буди спящего дракона» — стало первым правилом Хогвартса. Место, где он спит, — это иное

пространство, не принадлежащее ни одному из миров, из которого можно попасть в любую точку мироздания. Хогвартс — так зовут дракона — поведал нам, что за пределами нашего пространства существует множество параллельных миров. И вы с Гарри на самом деле не просто переродились. Ваши души после смерти физических тел попали в параллельный мир, почти идентичный вашему, но значительно отставший во времени.

Драко застыл, не в силах вымолвить ни слова.

— Хогвартс сохранил ваши души после смерти и перенес их сюда. По его словам, тамошние Основатели создали не просто портреты, а неполные крестражи, заперев частицы своих душ в рамах, не в силах расстаться со своим детищем. Встретив дракона, они умоляли его забрать их души с собой, ибо в том мире магов им больше нечего было хранить. Хогвартс согласился и слил их частицы с нашими портретами. Но учти: крестражи не даруют бессмертия, они лишь навечно приковывают душу к месту. Метод Волдеморта был лишь жалкой крохой истинного знания — он лишь расколол себя, став чудовищем, пожирающим чужие жизни.

— Значит... вы теперь тоже неполные крестражи? — севшим голосом спросил Драко.

— Нет, магия драконов иная. Считаю, что мы по-прежнему портреты, но «краски», которыми мы написаны, — это души Основателей из твоего прошлого мира. Именно поэтому у нас есть все знания и воспоминания, которыми мы делимся с вами. В вашем прежнем мире Гарри нашел тайную комнату с нашими портретами после войны и, благодаря своей чувствительности к крестражам, пробудил нас. Он стал нашим другом.

— Но Гарри никогда об этом не упоминал!

— Он поклялся хранить молчание. Тот мир принес Основателям лишь горечь и глубокое разочарование, они не желали иметь ничего общего ни с кем, кроме Поттера. Они даже просили его уничтожить портреты перед его смертью. Но, как ты знаешь, Гарри не успел это сделать.

Драко вспомнил истерзанный войной мир, в котором не было места покою, и ощутил, что понимает боль Основателей. Если бы не долг перед родом, он и сам, вероятно, покинул бы Британию сразу после битвы.

— Тогда второй вопрос, — голос Драко дрогнул. — Что на самом деле скрывалось за смертью Гарри в тот раз? Если в вас живут воспоминания тех Основателей, вы должны знать ответ.

Салазар и Годрик переглянулись, медля с ответом. Эта заминка заставила ярость, которую Драко с трудом подавлял, вспыхнуть с новой силой. Салазар, видя, что юноша вот-вот потеряет контроль, коснулся переносицы и печально произнес:

— Даже если бы Рон Уизли не выпустил ту Аваду Кедавру, Гарри всё равно бы погиб. Проклятие, которое поразило тебя тогда, было неизлечимым. Ни магия, ни зелья не могли его

снять. Гарри мог спасти твою жизнь, но ты стал бы сквибом или остался бы парализованным до конца своих дней. У него не было выбора. Гарри применил «Жертвенное приношение» — запретную магию рода Гриффиндор. Он отдал всю свою жизненную силу, чтобы перекачать её тебе и нейтрализовать проклятие. Этот процесс необратим. Стоило магии начаться, и Гарри был обречен угаснуть в течение месяца. Драко... он хотел, чтобы ты никогда об этом не узнал.

Оглушенный правдой, Драко почувствовал, как в голове воцарилась пустота. Он догадывался, что Гарри рисковал, покинув Хогвартс из-за него, чем и воспользовался Уизли. Но истина оказалась куда страшнее. Чтобы он не стал калекой или сквибом, Гарри отдал жизнь! Оказалось, что истинным виновником смерти Поттера был он сам! А заклятие Уизли было лишь удобным предлогом для Гарри, чтобы скрыть правду.

— Почему?! — вскричал Драко. — Зачем вы научили его этому заклятию? Гарри был для вас важнее, вы ведь даже не знали меня!

— Сравнить вашу важность для нас бессмысленно, — жестко оборвал его Салазар. — Потому что для него самым важным был ты. Если бы ты стал сквибом, самым несчастным человеком на свете был бы не ты, а Гарри Поттер. У меня не было иного выхода, кроме как дать ему это знание.

— Да что это значит?! Даже если бы я стал калекой, это была бы моя вина, моя неосторожность! Гарри всегда винил себя во всем подряд, но он не должен был расплачиваться жизнью за мое спасение!

Годрик, казалось, был готов выскочить из рамы и задать Драко трепку, а Салазар яростно смотрел на него.

— Идиот! Тупица! У тебя что, в голове вместо мозгов флоббер-черви?! — прошипел Слизерин. — Не верится, что ты с моего факультета! Неужели ты ни разу не анализировал своё прошлое?! Оставим школу — вспомни войну! Почему Гарри, рискуя разрывом с Уизли, убеждал Орден Феникса принять твой переход на их сторону? Зачем он, рискуя собой, вытаскивал твою мать из самого пекла, чтобы вернуть её тебе целой и невредимой? Ради чего он после войны выбивал сохранение поместья Малфоев и убеждал всех, что твой отец был шпионом, а не Пожирателем смерти? Ты хоть представляешь, что творилось с ним, когда он получил приглашение на твою свадьбу? Он чуть не спился в кабинете директора, и только портреты успели позвать Грейнджер, чтобы та отправила его в больницу Святого Мунго! А когда тебя прокляли, он ночей не спал, пока не выучил то заклятие! Ты хоть раз читал его завещание? Он просил не винить никого в его смерти. Он просил Гермиону и Невилла убедить тебя уехать из Британии вместе с ними. И он просил похоронить его в Запретном лесу лицом к созвездию Дракона! Очнись, Малфой! Гарри сделал для тебя всё, что мог. Ты правда думаешь, что он видел в тебе просто друга? Ты видел хоть одного «просто друга», который вел бы себя так?!

Драко не помнил, как вышел из Тайной комнаты и добрался до спальни. Правда о смерти Гарри вонзилась в его сердце каленой сталью, нещадно переворачивая всё внутри. Он не знал, как смотреть на себя в зеркало, зная, что он — причина гибели любимого человека. Яростные слова Салазара эхом отдавались в сознании. Все эти вопросы он задавал себе и раньше, но

каждый раз находил удобные, искаженные оправдания.

Когда он перешел на их сторону, он думал, что Гарри нужен союз с Драко ради победы. Когда Гарри спас его мать, он решил, что Поттер просто благороден и не хочет, чтобы Драко потерял родительницу. Он верил словам Гарри: «Я обещал спасти её и сделал это. У меня нет матери, я не хотел, чтобы и ты лишился своей».

После войны, когда Драко готовился к нищете и позору, Гарри сохранил ему статус и богатство. «Мы соратники и друзья, — говорил Гарри. — Ты сделал достаточно, чтобы не расплачиваться за ошибки отца своим домом». И Драко верил. Он игнорировал ропот других слизеринцев, которые завидовали тому, что Малфои отделались легче всех.

Перед свадьбой Гарри попал в больницу Святого Мунго — якобы из-за случайного нападения. Драко верил. На самой свадьбе Гарри был бледен, но Драко списал это на последствия ранения. Позже Гарри редко бывал в поместье, а если и заходил, то быстро уходил, если Астория была рядом. «Не хочу мешать вашему семейному счастью», — говорил он. И Драко снова верил. Когда Гарри стал крестным его сына и баловал мальчика больше, чем родной отец, Драко думал, что Поттер просто любит детей, и даже пытался устроить ему свидания. Когда сын хвастался, что крестный любит его больше всех, Драко видел в этом лишь детское хвастовство.

Даже когда проклятие отступило, а Гарри уже лежал в земле, Драко ни разу не взглянул на ориентацию надгробия. Салазар был прав: он был непроходимым тупицей. Даже получив письмо от Гермионы, где та открытым текстом писала: «Драко, Гарри всегда относился к тебе лучше, чем к нам с Невиллом», он лишь посмеялся над её странными словами.

Драко закрыл лицо руками, чувствуя, как слезы обжигают кожу. Если бы Салазар не ткнул его носом в очевидное, он бы и дальше продолжал слепо верить в свои заблуждения. Он боялся опоздать. Боялся, что Гарри, прожив целую жизнь в безответной любви и молчании, просто сдался.

Гарри всё утро просидел в Выручай-комнате и вышел только к обеду. Не обнаружив Драко в Большом зале, он встревожился ещё сильнее. Быстро перекусив и прихватив еды с кухни, он поспешил в спальню, надеясь застать друга там. Увидев Драко, который сидел, закрыв лицо руками, а сквозь пальцы его текли слезы, Гарри замер. На его памяти Драко плакал лишь однажды — на шестом курсе. Но сейчас в его позе было столько безысходности и горя, что у Гарри больно сжалось сердце. Он тихо сел рядом, не зная, как начать разговор.

Почувствовав ауру Гарри, Драко отнял ладони от лица. Он смотрел на Гарри с такой надеждой и болью, что тот окончательно растерялся. Малфой просто хотел обнять его, убедиться, что он здесь, что он жив. И он сделал это.

Гарри опешил от этого порывистого, почти болезненного объятия. Драко сжимал его так сильно, что стало трудно дышать, но Гарри не шелохнулся. Он вспомнил, как Гермиона обнимала его в минуты отчаяния, и это приносило покой. Может, и Драко сейчас нужно просто

почувствовать, что он не один? Гарри закрыл глаза и расслабился, позволяя другу выплакаться в его плечо.

Прошло немало времени, прежде чем Драко отстранился. Он высушил намокшую мантию Гарри коротким заклинанием и ушел в ванную, чтобы привести себя в порядок.

— Поешь, — тихо сказал Гарри, когда Драко вышел. — Что бы ни случилось, нельзя оставаться голодным.

Драко принял теплую тарелку — Гарри наложил согревающие чары — и принялся за еду, мысленно проклиная свою слепоту.

— Драко... — Гарри замялся. — Я не знаю, чем тебя обидел. Если я виноват — просто скажи. Хочешь, ударь меня, я даже не буду защищаться. Только не держи это в себе.

Услышав это, Малфой едва не подавился. Он посмотрел на Гарри: тот выглядел так, будто готов понести любое наказание за грех, которого не совершал.

— С чего ты взял, что я злюсь на тебя? — хрипло спросил Драко.

— Но вчера вечером ты был вне себя. А ночью я чувствовал, как ты долго смотрел на меня. Утром ты исчез... Я решил, что дело во мне.

Драко лишь горько усмехнулся, поражаясь интуиции Поттера. Он старался не подавать виду, но Гарри всё равно всё почувал.

— Нет, я не злюсь. Но мне нужны ответы. И обещай, что скажешь правду.

— Обещаю, — Гарри напрягся, понимая, что разговор будет непростым.

— Когда я пришел к тебе через Кикимера в Старый особняк Блэков и сказал, что хочу перейти на сторону Ордена Феникса... Ты поверил мне почти мгновенно, хотя Уизли был в ярости. У меня не было доказательств, у меня была Чёрная метка, — Драко пристально посмотрел в глаза Гарри, заметив в них тень смятения. — Потом ты спас мою мать, хотя я не просил о таком риске. Ты сам едва не погиб, закрыв её собой. Зачем? После войны ты сохранил мне всё, в то время как другие платили втридорога за свои ошибки. Почему Малфой стали исключением? И почему ты попал в больницу Святого Мунго перед моей свадьбой? Наконец... я не верю, что Уизли мог убить тебя так просто. Кикимер говорил, что когда он забирал твое тело, вокруг не было ни царапины. Почему, Гарри?

В спальне воцарилась тяжелая тишина. Гарри отвел взгляд.

— Драко... я не вижу смысла ворошить прошлое. Всё закончилось. Сейчас всё иначе, и этого не повторится. Зачем тебе это?

— Потому что это важно для меня! — голос Драко сорвался. — Всё правда закончилось, Гарри? Или чувства тоже остались в том мире?

— Всё в прошлом, — Гарри порывисто встал, пытаясь уйти. Ему нужно было сбежать, скрыться от этих вопросов, на которые он боялся отвечать даже самому себе.

— Стой!

Гарри уже коснулся дверной ручки, когда Драко настиг его и с силой прижал к двери. От неожиданности Гарри едва не ударился лицом о дерево, но Малфой успел перехватить его, заключая в кольцо рук.

— Не уходи, Гарри... — выдохнул Драко ему в затылок. — Я знаю, что я был слеп. Непростительно глуп. Я пропустил целую жизнь. Знаешь, когда я узнал о твоей смерти, для меня рухнул мир. Когда Гермиона привела меня к твоей могиле, меня пришлось держать силой, чтобы я не разнес её к чертям, потому что я отказывался верить! Я был в отчаянии, я никого не подпускал к себе. Только Блейз смог достучаться до меня. Он сказал, что понимает, каково это — потерять того, кого любишь. И только тогда до меня дошло. Я любил тебя всю жизнь, но осознал это, только когда потерял. Прости меня, Гарри... я опоздал на целую вечность. Но сейчас мы живы. Плевать на Волдеморта, мы победим его снова. Только не уходи. Не оставляй меня одного... Я люблю тебя, Гарри. Пожалуйста, останься со мной.

Гарри замер, не дыша. Ему казалось, что он спит или сошел с ума. Голос Драко звучал так близко, его дыхание обжигало ухо, его волосы щекотали шею. Это не могло быть правдой. Только не сейчас, не после всего.

— Драко... что ты сейчас сказал? Ты...

Он осторожно повернул голову, глядя на Малфоя. В его взгляде читался страх вперемешку с безумной надеждой. Драко смотрел на него с нежностью и решимостью, какой Гарри никогда не видел прежде.

— Я сказал, что люблю тебя, Гарри. Люблю тебя, мой шрамоголовый герой.